ВАЖНОЕ СРЕДСТВО ПРОПАГАНДЫ КУЛЬТУРЫ

Десятки миллионов граммофонных пластинок ежегодно выпускают заводы граммпромышленности. Тысячи произведений симфонической, камерно-инструментальной, эстрадной музыки, песни народов СССР и зарубежных стран, арии и целые оперы, драматические спектакли и балеты, оратории и уроки иностранных языков записаны на черных лакированных кружках, которые хранятся чуть ли не в каждой советской семье. Из предмета по преимуществу развлекательного граммпластинка становится важным средством пропаганды культуры. Спрос на них повышается с каждым днем. Но удовлетворяется этот спрос пока плохо. Пластинок не хватает, значащиеся в каталогах записи далеко не всегда можно найти на полках магазинов, новые записи производятся бессистемно и в явно недостаточном количестве, репертуар их ограничивается в основном музыкой, недостаточно изобретательности проявляется в расширении областей применения граммзаписи.

Публикуя сегодня материалы, посвященные производству и распространению граммофонных пластинок, редакция надеется, что Министерство культуры СССР и Министерство торговли СССР примут меры для удовлетворения справедливых требований советских людей.

Лучше пропагандировать советскую музыку

Вопросы пропаганды советской музыки приобретают особую остроту сейчас, когда близится съезд композиторов, на котором мы, композиторы, будем рапортовать перед нашей страной, перед нашим народом. Как претворяются в жизнь те эстетические взгляды, те идейно-художественные критерии, которые составляют основу основ советского искусства — партийность, народность, реализм, — об этом народ может судить лишь по произведениям, созданным нами.

Мы много говорим о пропаганде советской музыки в связи с работой театров, концертных организаций, издательств. Однако одно из действенных и важных средств популяризации серьезной советской музыки — граммофонные записи — остаются почти забытыми.

Вряд ли нужно доказывать, как глубоко проникла в наш быт граммофонная пластинка. Но пока еще она мало используется как средство художественного воспитания масс. Напротив, очень часто пластинки — рассадник буржуазной легкой музыки. Мне рассказывали такой факт, когда ленинградские магазины сдали «на бой» артели пластинки с записями произведений русской классики, и та «переплавила» замечательные мелодии Глинки, Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского в пошленькие, но модные мелодии типа «Мишки», которые заполонили магазины граммпластинок. И это лишь один случайно известный мне факт, а ведь он, наверно, не единственный.

Серьезные претензии можно предъявить организациям, ведающим выпуском граммофонных пластинок, и не только потому, что они записывают мало классической и советской музыки. Самое главное, что даже выпущенное никак не популяризируется. А разве хорошая реклама не помогла бы широко внедрить классическую и советскую музыку в повседневный быт советских людей, воспитывать их эстетические взгляды и художественные вкусы, повышать их культуру?

Нет сомнения, советским композиторам предстоит еще многое сделать для удовлетворения возрастающих с каждым днем запросов нашего народа. Но и то лучшее, что уже достигнуто, заслуживает всемерной популяризации.

Кроме того, с каждым днем укрепляются международные связи Советского Союза с другими странами. И одним из средств культурного обмена может явиться также граммофонная пластинка с записью лучших произведений советских и зарубежных авторов, народного творчества.

К. МОЛЧАНОВ,
секретарь Союза советских композиторов СССР.

Мечты и звуки

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ О ГРАММОФОННЫХ ПЛАСТИНКАХ

Читатель!

Вы спрашиваете, почему так ограничен репертуар и так мало поступает пластинок в продажу? Чем объяснить, что на пластинки, могущие стать важным средством пропаганды культуры, по-прежнему записывается одна лишь музыка и по преимуществу легкая?

Мы приглашаем вас вместе с нами разобраться в этом, вместе пройти по тому длинному и негладкому пути, по которому катится испещренный бороздками застывших звуков черный лакированный диск, прежде чем попасть к вам.

* * *

Когда-то все производство граммофонных пластинок в нашей стране было сосредоточено в одних руках. Дело это по тем временам процветало и быстро развивалось. В 30-х годах на тихой улочке близ площади Восстания в Москве вознеслось к небу огромное здание Дома звукозаписи. На его восьми этажах находилось все, без чего невозможен был выпуск пластинок, — от кабинетов редакторов, где рождались планы записей, до просторных белоснежных студий, безмолвных свидетелей первых репетиций, и насыщенных новейшей техникой цехов, из которых отправлялись на заводы сверкающие позолотой матрицы. Заводов было несколько, и среди них такой гигант, как Ногинский, чьи пластинки с изображением горна на этикетках до сих пор хранятся в коллекциях любителей музыки.

Шло время. По неведомым соображениям закрылся Ногинский завод. В Дом звукозаписи вселилось радио. Теснимые им граммпластинки сдавали позиции на всех восьми этажах и на глазах превращались из богатых хозяев в бедных родственников. Первоклассная техника изнашивалась, старела. В довершение всего производство пластинок было раздроблено между несколькими, лишь формально связанными между собой ведомствами. Сейчас оно выглядит так: подготовкой репертуара и записью на магнитную пленку занимается радио. Главное управление производственных предприятий отбирает из него произведения, которые желательно, с его точки зрения, воспроизвести на пластинках. Эти произведения прослушивает и одобряет (или не одобряет) специальный междуведомственный художественный совет, после чего опять-таки радио изготовляет матрицы, поступающие затем на заводы Главного управления производственных предприятий. Наконец, в дело вступает Главснабсбыт, в обязанности которого входит передать готовые пластинки Главкультторгу Министерства торговли СССР.

Есть люди, утверждающие, что такая система сложилась исторически и что поэтому она самая лучшая. В самом деле, к чему зря затрачивать государственные средства на запись одних и тех же вещей для пластинок и радио? Зачем содержать два оркестра, если с лихвой можно обойтись одним?

Но так ли уж хороша эта система?

Действительно, на радио считают: все, что годится для пластинок, годится и для нас. Но если каждая селедка — рыба, то не каждая рыба — селедка. И поэтому не все, что делает радио, нужно для производства пластинок. На пластинках могут появляться только лучшие певцы и лучшие ансамбли, ибо для нас сейчас было бы непозволительной роскошью производить запись одного произведения в исполнении, скажем, восьми оркестров. Но поскольку граммпромышленность вынуждена довольствоваться тем, что ей предлагают, она не в состоянии активно формировать репертуар, выпускать пластинки с оригинальными, доселе не слышанными записями, оперативно откликаться на все значительные явления нашей жизни.

Хочется привести один пример. У нас очень редко появляются пластинки с записями музыки братских народов СССР, между тем как по радио эта музыка звучит достаточно часто. Происходит это потому, что радио может ограничиться любой записью, сделанной на месте, а граммпромышленность нет: ей требуется особо высокое качество звучания, достигаемое лишь на специальной аппаратуре, а такой аппаратуры мало даже в Москве. И вот, чтобы записать чувашскую или киргизскую музыку, приходится либо вызывать исполнителей в Москву, либо снаряжать экспедицию в эти республики. Много ли таких экспедиций может провести Дом звукозаписи?

Заслуги артистов и коллективов, связавших свою творческую судьбу с радио, в пропаганде музыкальной культуры общеизвестны. Но, право, не так уж необходимо предоставлять им преимущество в записи на пластинку перед остальными нашими певцами, музыкантами, хорами и оркестрами. А на деле именно так.

Разумеется, граммпромышленность должна широко и беспрепятственно черпать у радио нужные ей записи, но пусть, наконец, она из потребителя станет и творцом. И тогда репертуар пластинок будет строиться рациональнее.

Вы пишете, что вас поражает крайне скудный репертуар пластинок, что на полках магазинов редко бывают новинки, а в списках на прилавке фигурируют частенько одни и те же названия. Вам неведомо, вероятно, что, кроме этих истертых, засаленных списков, написанных большей частью от руки, существуют вполне солидные, типографски напечатанные каталоги, которые по идее должны быть доступны каждому, но которых нет даже во многих магазинах.

Так вот, в этих каталогах значится в общей сложности около 13 тысяч сторон, на которых записаны тысячи произведений различных жанров.

Вот об этих-то 13 тысячах давайте и поговорим, памятуя, что в магазинах, в которые вы заглядываете, больше пятисот никогда за один раз и не бывало.

Почему же все-таки этих пластинок нет в продаже?

Некоторое время назад под нажимом торгующих организаций коренным образом была перестроена система распространения пластинок. Когда-то заводы изготовляли их сообразно с определенным, заранее установленным соотношением жанров: народных песен — столько-то, симфонической музыки — столько-то, эстрадной — столько-то. Этим самым осуществлялся государственный контроль над репертуаром, а торгующие организации обязывались пропагандировать и продвигать в массы классическую музыку, оказывать влияние на формирование вкусов людей. Такие обязанности не очень устраивали многих торговцев, работающих «с оборота» и заинтересованных в первую очередь в выручке. И вот по их требованию введены новые «Основные условия поставки», смысл которых сводится к следующему: вы будете делать то, что мы захотим. И началось.

Первой жертвой «Основных условий», непонятно почему принятых Министерством культуры СССР, пала камерно-инструментальная музыка, за ней последовало камерно-вокальное искусство, литературно-драматические записи и, наконец, симфонии и оперы. Об ораториях, кантатах и хорах не приходится уже и говорить. В каталоге обычных пластинок они свободно уместились на полутора страницах, в каталоге долгоиграющих их почти нет.

Ныне наша граммофонная промышленность имеет право производить только то, что заказывают торгующие организации. И ни на одну пластинку больше. Что же они заказывают?

В первом квартале минувшего года вся торговая сеть Советского Союза пожелала иметь 60 из 168 произведений, включенных в раздел «Симфоническая, балетная, оперная, инструментальная музыка» основного каталога, 19 из 335 произведений камерно-инструментальной музыки, 29 из 488 записанных на пластинки опер, оперных арий, хоров и ансамблей и, конечно, ни одной оратории и кантаты. Еще более показательны тиражи заказов: 85, 100, 149, редко 500. На всю страну, по мнению торговых работников, нужно было в этом квартале пять тысяч пластинок камерно-инструментальной музыки, 170 комплектов долгоиграющих пластинок с записью оперы «Садко», 200 — «Царской невесты», 490 — «Аиды», 775—«Ивана Сусанина» и т. д. «Алеко», «Мазепа», «Галька», «Черевички» и некоторые другие не были взяты совсем. В следующем квартале картина оставалась такой же, если не считать, что классика занимала уже не 1,73 процента общего заказа (а, следовательно и выпуска), а всего лишь 1,23, что несколько контрастирует со стремлением торгующих организаций к «Джонни» (74 тысячи экземпляров) и «Маме» (103 тысячи!).

Из всего этого надо сделать выводы. Не такого, конечно, порядка, чтобы прекратить выпуск «Мам» и начать массовую штамповку фуг Баха. Эстрадная музыка очень нужна. Но не следует забывать, что вкусы бывают разные и что их нужно воспитывать. Воспитывать должны все, в том числе и продавцы, стоящие за прилавком магазина культтоваров.

Пропаганда основного фонда музыкальной культуры — ответственный участок идеологического фронта. Очень жаль, что сюда вторгся торгашеский дух, что вопросы идеологии приносятся некоторыми работниками торговли в жертву интересам чистой коммерции.

Но и это не все. Вы не найдете в магазине, читатель, всех тех пластинок, которые числятся в каталогах. Помните, там 13 тысяч сторон. Ну, а сколько магазинов в стране торгует пластинками? Предположим, что одна тысяча (их значительно больше). Следовательно, чтобы в каждом магазине было хоть по одной пластинке, надо изготовить их шесть с половиной миллионов. А по 10? 65 миллионов. А по 50? Но ведь мощность наших заводов в настоящее время всего 80 миллионов, и с этим нельзя не считаться. Так что же делать?

Нельзя считать правильным то, что в этом году намечено выпустить всего на три миллиона пластинок больше, нежели в прошлом (а долгоиграющих сколько же!), и лишь к концу пятилетки достичь цифры 100 миллионов, хотя, по утверждению начальника Главкультторга И. Токарева, без труда можно продавать 120 миллионов пластинок ежегодно. Пока же уровень производства застыл на 80 миллионах—меньше, чем по половине пластинки на одного гражданина Советского Союза. Что касается долгоиграющих, то их делается всего четыре миллиона—по полторы пластинки на каждый проигрыватель, который будет выпущен в этом году.

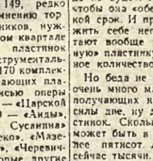

Рис. С. Андреева.

Не следует успокаиваться на цифре 100 миллионов, которая намечена на конец пятилетки. Сейчас идет реконструкция Апрелевского завода. Но этого мало. Кроме него, есть еще три — в Ленинграде, Ташкенте и Риге. Нужно реконструировать и их. И еще нужно построить новые.

Но пока этих заводов нет, необходимо сделать все, что хоть несколько смягчит голод на пластинки и улучшит их распространение.

Пластинка — товар особый. Нельзя предъявлять к ней такие же требования, как, скажем, к мылу. Она может и полежать, дожидаясь своего покупателя, и не 35 дней, как это ныне разрешено, а, если понадобится, и полгода. И никто в накладе не будет. Но сейчас требуется, чтобы она «обернулась» именно в такой срок. И продавцы, чтобы не нажить себе неприятностей, предпочитают вообще не брать «сомнительную» пластинку или брать ограниченное количество экземпляров.

Но беда не только в этом. У нас очень много магазинов культтоваров, получающих на квартал тысячу, от силы две, ну даже пять тысяч пластинок. Сколько разных названий может быть в такой партии? Не более пятисот. А в каталоге их даже сейчас тысячи. Вот и получается, что одни пластинки попадают в один магазин, а другие — в другой.

Что же делать? Создавать крупные специализированные магазины. Ведь пластинки — не хлеб, который нужен ежедневно и за которым неудобно ездить далеко. По мнению торговых работников, в Москве достаточно 10—15 магазинов (сейчас их 47), чтобы обеспечить спрос населения, и при этом лучше обслужить трудящихся. А в меньших городах их может быть всего один или два.

Очень важно как следует организовать распространение граммпластинок по подписке. Но пока в этом деле немало недостатков. В каталоге подписных пластинок почти нет новых записей.

Можно было бы сказать еще очень многое о том, что мешает расширению производства и распространению граммпластинок. Это и недостатки научно-исследовательской работы, и трудности с подготовкой кадров, и никуда негодная реклама, и многое другое. Но, думается, и сказанного выше достаточно, чтобы вы, товарищ читатель, поняли, почему так трудно собрать в своем доме пластинки, которые вы любите.

Вал. ЛЕДНЕВ.

ГОВОРЯЩАЯ КНИГА

Граммофонные пластинки в нашем представлении уже давно неразрывно связываются с музыкой. Замечательное изобретение сохранило и донесло до нас голоса знаменитых певцов и музыкантов, позволило слушать выдающиеся творения композиторов всех времен и народов у себя дома, в свободное от работы время. И мало кто помнит, что первые звуки, легшие на восковой валик фонографа, были звуками человеческой речи.

Очень хорошо, разумеется, что с пластинок звучат симфонии и оперы, романсы и песни. Но разве исчерпываются музыкой возможности этого выдающегося открытия! Разве не может быть оно использовано самым широким образом для пропаганды культуры вообще, для пропаганды достижений науки и техники, для создания говорящей книги.

Мы попросили высказать свое мнение по этому вопросу ученых, писателей, педагогов, партийных работников. Вот что они сказали:

Рассказывать о достижениях науки

Н. СЕМЕНОВ,
академик

Недавно в печати сообщалось, что к новому изданию медицинской энциклопедии будут приложены граммофонные пластинки с записями работы сердца и характерными шумами, возникающими при его болезнях. Такие пластинки-пособия до сих пор почти не выпускались. Они могли бы очень помочь молодым специалистам, особенно тем, которые живут вдали от больших центров. А подобные «звуковые пособия» можно было бы, вероятно, создать и для других профессий (почему бы, например, не записать шумы, возникающие при детонации в двигателе внутреннего сгорания, и т. д.).

С моей точки зрения, грампластинки открывают широкий простор для пропаганды науки. Далеко не всюду и не всегда можно услышать у нас квалифицированную, обстоятельную лекцию о последних достижениях научной мысли.

Недостаток в таких лекциях могли бы восполнить пластинки с записями выступлений ученых — специалистов различных областей знания. Эти записи можно было бы транслировать по местной радиосети, через радиоузлы предприятий и учреждений, использовать в «устных журналах» клубов и домов культуры, на уроках в старших классах средней школы.

Я полагаю, что каждый советский ученый счел бы за честь для себя рассказать в живой и популярной форме о новых открытиях в физике, химии, биологии, о том, как наука помогает преобразованию жизни.

◆

Помощник учителя

С. СИМОНОВ,
директор школы
села Стригино
Смоленской области

На граммофонных пластинках производятся записи драматических спектаклей, рассказов, отрывков из романов, стихотворений. Таких записей немного, и они бессистемны. Но даже они оказывают неоценимую помощь учителям литературы, которые могут демонстрировать то или иное произведение писателя в живом исполнении выдающегося артиста. Было бы очень полезно, если бы литературно-драматическая запись делалась с учетом программ средней школы, если бы ими располагало каждое учебное заведение страны. Это особенно нужно для нас, педагогов, работающих на селе. Вообще граммпромышленность могла бы оказать неоценимую помощь в преподавании общественно-политических дисциплин. Как бы ни был интересен урок по истории СССР начала двадцатых годов, он будет усвоен еще лучше, если ученики услышат голос великого Ленина. Почему бы не сделать так, чтобы документальные записи выступлений государственных и общественных деятелей стали настольным пособием учителей? Почему бы не изготовить пластинки с высказываниями виднейших представителей культуры по самым различным вопросам, волнующим ныне человечество; с высказываниями о мире, о Родине, о труде, счастье, дружбе? Не приходится сомневаться, что они очень помогли бы в формировании мировоззрения нашей молодежи.

◆

Записывать советы ученых

М. БОЛОДУРИН,
секретарь Тарановского
райкома КП Казахстана

Наш район, один из крупнейших зерновых районов Кустанайской области, можно назвать молодежным. И хотя многие юноши и девушки, прибывшие по зову партии на штурм целины, еще совсем недавно ничего не знали о сельском хозяйстве, они быстро овладели необходимыми сведениями, которые в сочетании с инициативой, сметкой, горячей любовью к труду дали замечательные результаты, известные ныне всей стране.

И все же глубоких знаний молодежи пока недостает. И тут большую пользу могли бы принести пластинки с записями советов ученых и практиков по различным проблемам ведения сельского хозяйства.

Во время полевых работ не всегда удается почитать книжку, да и не всегда они оказываются под рукой. Я не говорю уже о том, что живое слово всегда убедительнее книжного, особенно если принадлежит оно настоящему специалисту своего дела. С каким интересом и пользой выслушали бы, например, на полевом стане тракторной бригады рассказ Терентия Мальцева о его методе обработки почвы или выступление комбайнера Прокофия Нектова о раздельной уборке урожая, или беседу академика Т. Лысенко о новых работах ученых.

Мы с нетерпением ждем таких пластинок. Они должны выпускаться оперативно, откликаться на все значительное, что рождается в сельскохозяйственной науке и практике.

◆

Популяризировать санитарные знания

Вера ПАНОВА,
писательница

Мне кажется очень важным использовать граммофонные пластинки для распространения среди населения санитарных знаний. Как ухаживать за детьми, как предупредить различные заболевания, что нужно делать для поддержания гигиены жилища — пусть расскажут об этом языком доступным, убедительно и доказательно наши крупнейшие врачи, люди чрезвычайно компетентные и ответственные. И пусть рассказы эти исходят из реальных условий быта, отвечают на те вопросы, с которыми сталкиваются, вступая в жизнь, молодая женщина, юноша, мать.

Больше выдумки и инициативы

Р. ДОБРОВОЛЬСКИЙ,
аспирант

Перебирая каталоги граммофонных пластинок, я обратил внимание на то, что огромное количество записей не находит покупателей. Мне кажется, это потому, что наша граммофонная промышленность мало думает над отбором исполнительских сил. Ведь каждому хочется, чтобы любимый романс или песня были исполнены лучшими певцами, чтобы танцевальные мелодии играли лучшие оркестры, чтобы симфоническую музыку, фортепьянную, скрипичную можно было слушать в исполнении лучших музыкантов.

◆

А. ЦФАСМАН,
композитор

Всячески популяризировать новинки легкой музыки и делать это быстро, оперативно, когда понравившаяся людям мелодия еще только начинает свое шествие по стране,—вот на что следует обратить внимание.

Мне кажется, что промышленность граммпластинок должна быть не только механическим распространителем мелодий, звучащих на концертах и по радио, но и творцом, создателем новых оригинальных эстрадных произведений. «Специально для граммпластинок» — эта надпись должна, наконец, появиться на этикетках наших пластинок.

◆

Б. ЯКОВЛЕВ,
профессор, пенсионер

У меня внуки разных возрастов. И большие, и маленькие, они все очень любят веселые песни. У нас есть проигрыватель, но пластинки для детей доставать трудно. Для старших, от 15 лет, еще бывают, а для маленьких, дошкольников, почти невозможно приобрести. Не пишут, видно, наши композиторы веселых песен для детишек, а те, что пишут, детишки не поют: им легче запомнить репертуар Шмелева или Шульженко.

И еще одно. Известно, что даже аппетит становится лучше, если пища со вкусом сервирована. Хорошо бы подумать над оформлением этикеток на пластинках. Сейчас они мрачные, скучные, однотонные, с плохо напечатанным текстом, а то и с заретушированной до парикмахерского лоска фотографией исполнителя. А разве нельзя сделать этикетки веселыми, красочными, с приятными, занимательными рисунками? Кстати, цвет помог бы и в классификации пластинок по жанрам.

◆

И. НАБАТОВ,
заслуженный артист
Украинской ССР

Работники искусства, как известно, «ночные» люди: редкий спектакль или концерт заканчивается ранее 11 часов вечера. Пока уляжется нервное возбуждение — спутник каждого исполнителя, пока доберешься до дома, половина ночи прошла. А утренняя гимнастика по радио передается самое позднее в 8 часов утра. Если бы записать на долгоиграющую пластинку комплекс гимнастических упражнений, тысячи людей сказали бы работникам граммофонной промышленности спасибо.

◆

Т. КАМЯГИНА,
преподаватель
французского языка

В последние годы в наших средних школах улучшилось преподавание языков. Но звучания языка немецкого, французского, английского или другого ученики почти не слышат, исключая, разумеется, речь своего педагога, который подчас и сам грешит в произношении. Нужно, чтобы в школах были не только записи уроков на пластинках, которые выпускаются сейчас, но и выступления наших зарубежных гостей, песни, монологи из пьес, стихи иностранных поэтов.

◆

З. МАЛИШЕВСКАЯ,
дирижер-хоровик

В некоторых клубах и домах культуры есть фонотеки, где подбираются по темам граммофонные пластинки и всегда легко найти подходящее музыкальное сопровождение к лекции, к самодеятельному спектаклю. Иногда при репетиции хора или при разучивании нового произведения очень полезно прослушать отдельные партии в исполнении профессионального хорового коллектива, могущего служить примером, однако нужную пластинку не сразу найдешь. Я знаю, что в некоторых городах практикуется прокат граммофонных пластинок. Над созданием широкой сети таких прокатных фонотек, мне кажется, надо задуматься нашей граммофонной промышленности и торгующим организациям.

◆

Г. БЕССАРАБОВА,
студентка

Пожалуй, больше всего слушателей музыки и уж, конечно, больше всего любителей петь и танцевать среди молодежи и особенно студентов. Многие любят слушать музыку дома и покупают пластинки с записями любимых вещей. А вот о композиторе или о самом произведении знают мало. Нельзя ли на конвертах для пластинок, особенно долгоиграющих, печатать краткие аннотации, небольшую биографическую справку о композиторе?

Н. ПУЗАНОВ,
инженер

Те, у кого есть дома проигрыватель, естественно, покупают граммпластинки и долгоиграющие с классическим репертуаром, и танцевальные, и эстрадные. Некоторые любители приобретают целые комплекты с записями оперных спектаклей. Но пластинки — хрупкий товар, к ним следует относиться бережно.

Нельзя ли мебельным фабрикам выпускать специальные шкафчики с вертикальными перегородками для хранения пластинок? Да такие, которые состояли бы из самостоятельных секций? Есть у вас сто пластинок — вы купили одну секцию; появились новые — и новая секция гармонично слилась с первой. И последнее: пластинки хранят в конвертах, без них они портятся. Но конверты сделаны из бумаги и быстро рвутся. А без пластинки отдельно их не продают.

Не выпускаются альбомы для хранения ценнейших граммпластинок большого формата.

◆

А. КУЗНЕЦОВ,
диспетчер завода

Немало любителей музыки имеют у себя дома целые собрания любимых и редких граммпластинок. Но если один и тот же человек приобретет случайно две одинаковые редкие пластинки, куда деть лишнюю? В лучшем случае ее можно сдать в тот же магазин как бой. Почему бы в наших букинистических или комиссионных магазинах не организовать отделы граммофонных пластинок, где можно было бы продать или купить редкие пластинки.

КАЖДОЙ ПЛАСТИНКЕ—КРАСИВЫЙ КОНВЕРТ

Граммофонные
пластинки

Посмотрите на этот фотоснимок. На нем изображено несколько конвертов, в которых хранят граммофонные пластинки. Не правда ли, они приятно оформлены? На снимке не видно, что рисунки на конвертах выполнены в цвете, придающем им особую прелесть. Не видно и качества бумаги, из которой изготовлены конверты. Мы можем сообщить лишь, что она тоже отличная: плотная, не мнущаяся, прочная.

К сожалению, такие конверты можно рассматривать главным образом на фотографиях. В магазинах их почти не бывает. И не удивительно — таких конвертов сделано всего около 400 тысяч, а пластинок в год выпускается 80 миллионов. И вот упаковываются пластинки в скверные, быстро рвущиеся конверты из серой оберточной бумаги.

Нельзя ли, товарищи из граммпромышленности, сделать так, чтобы все пластинки получили наконец прочную и изящную упаковку.

РЕЦЕНЗИИ НА ГРАММПЛАСТИНКИ

Опера «Орфей» Глюка

Опера Х. Глюка «Орфей»—один из шедевров мировой музыкальной литературы, не утративший свежести и выразительной силы за двести лет своего существования, к сожалению, исполняется крайне редко. Последний раз, помнится, она была поставлена в концертном исполнении незадолго до Отечественной войны оперным ансамблем под руководством замечательного советского певца И. Козловского, выступившего в заглавной партии.

Великий реформатор оперы Х. Глюк во многом предвосхитил принципы современного оперного письма, тех его направлений, которые впоследствии были развиты Вагнером.

Сегодня советские слушатели могут познакомиться с замечательной музыкой оперы по записи на четырех долгоиграющих пластинках №№ Д-0933—0940.

Опера исполняется группой солистов, хором и симфоническим оркестром Всесоюзного радио под управлением дирижера С. Самосуда.

Триумфальное исполнение артистом И. Козловским сложнейшей партии Орфея, несомненно, является творческим подвигом нашего выдающегося певца.

И. Козловский поет Орфея просто, правдиво, естественно, в полном соответствии с творческими воззрениями Глюка, композитора-реформатора, провозгласившего эти принципы в своих операх.

Ярко и убедительно рисует Козловский человека красивого и верного в любви, благородного в помыслах и поступках, смело вступающего в борьбу с силами зла. Певец вкладывает в свое исполнение столько мягкости и теплоты, что образ героя, мир его внутренних переживаний становится понятным и ясным.

Орфея не страшат злые духи, и когда он узнает, что может вернуть Эвридику, то спускается, полный решимости, в подземное царство. Его прекрасное пение, заставлявшее, по преданию, двигаться скалы, смирявшее диких зверей, смягчает загробные силы, и Орфею позволено увести с собой любимую, но при одном условии: он не должен ни разу взглянуть на Эвридику, пока не покинет обитель духов. Орфей нарушает этот запрет, и Эвридика падает мертвой к его ногам.

И снова поэт остается один, в полном отчаянии. Скорбь его находит выражение в арии «Потерял я Эвридику».

Удивительно трогательно, без какой-либо сентиментальности и внешней аффектации исполняет Козловский чудесную музыку Глюка. Его пение покоряет полным слиянием слова со звуком, музыкальной интонации с психологической, тончайшей нюансировкой, пленяет поистине античной простотой.

Флейтист Г. Мадатов проникновенно исполняет знаменитую «Мелодию» Глюка, считающуюся одной из абсолютных вершин мелодического творчества. К сожалению, звучание ее несколько портят технические дефекты записи на пластинках высоких частот. Артистки Е. Шумская, поющая партию Эвридики, Т. Телахадзе (Тень) и Г. Сахарова (Амур) являются достойными партнершами И. Козловского. Много наслаждения доставят слушателям изумительные хоры оперы, а также исполняемая с классическим изяществом балетная музыка заключительного акта.

О. Ф.